

ПРИГЛАШАЕМ К ДИАЛОГУ:

значение и перспективы гуманитарного образования

Диалог ведут проф. **О.А. Донских**
и проф. **В.И. Супрун**

olegdonskikh@yandex.ru
trend@acts.ru

В диалоге обсуждаются различные подходы к определению гуманитарного образования, отношение гуманитарных наук к естественным. Проблема формирования рефлексивного мышления осмысливается в контексте изменения способов коммуникации и ценностных ориентиров.

Ключевые слова: гуманитарное образование, гуманитарные науки, экономическое мышление, ценности, способы коммуникации.

Какие дисциплины относятся к гуманитарным?

Донских О.А.: Сегодня мы хотим обсудить вопрос, что такое гуманитарное образование, что включается в это понятие. Сейчас Минобрнауки принимает новые стандарты, более жестко определяются специальности и компетенции, и вопрос о гуманитарном образовании встает очень серьезно. Обсуждается он по-разному. Так, говорится, что есть образование вообще и в нем есть гуманитарная составляющая. Это один подход. Я думаю, что такой подход уводит от сути дела, поскольку гуманитарное образование – и это второй подход – формирует личность, и в этом значении оказывается стержнем общего образования. Мне представляется, что нужно начинать с определения сути гуманитарного образования, целей, которые оно преследует. И тогда мы сможем говорить, что это такое – составляющая, стержень или что-то еще. Но начать, видимо, нужно с вопроса, из каких

дисциплин складывается гуманитарное образование. Очевидно, что, например, история, культурология и филология – чисто гуманитарные дисциплины. А лингвистика ближе к естественным наукам.

Супрун В.И.: Да, это так. В то же время, я полагаю, что проблема демаркации, т.е. размежевания между гуманитарными и другими дисциплинами, далеко не очевидна. Присутствуют размежевания между гуманитарными и естественнонаучными дисциплинами, между инженерными и гуманитарными. С одной стороны находятся дисциплины, имеющие дело с конкретными вещами и технологиями, материальными объектами, с которыми можно экспериментировать. С другой – гуманитарные дисциплины, предметом которых является сфера идей, переживаний, причем «переживаний», как социума в целом, так и отдельного человека, иначе говоря, то, что может быть выражено в тексте с помощью символов. К этой сфере примыкает пограничная сфера, которой занимаются экономисты,

является ли это сферой гуманитарных или естественнонаучных знаний? Некоторые экономисты претендуют на то, что их дисциплина является точной наукой, а они выступают гуру этой науки.

А. То есть естественной?

С. Нет, не вполне, скорее некоего синтеза естественных и точных наук, когда можно проводить эксперименты и строить модели. Но есть и экономисты, которые говорят, что в этой дисциплине нельзя провести «чистые» эксперименты, создать четкие и достоверные модели. Это не физика. Это сфера, имеющая дело с деятельностью людей, а это значит соприкосновение с гуманитарной областью – сферой устремлений, желаний, воли, субъективных представлений.

А. Можно определять гуманитарные науки как те науки, объект которых не безразличен к позиции исследователя. Если мы изучаем физические процессы, то мы предполагаем, что эти процессы протекают независимо от исследователя, электронному исследователю безразличен. А вот в социальных и экономических науках эксперимент чистый невозможен, поскольку те, кого исследуют, реагируют на процесс и на результат исследования. Поэтому, кстати, и повторение в чистом виде невозможно. Результат зависит от умонастроения как исследователя, так и исследуемого, и от многих других вещей. Иначе говоря, мы принципиально имеем дело с субъектами, а не объектами. Мы можем применять методы, сходные с методами естественных наук, но по объекту они кардинально отличаются.

С. Я думаю, что это не совсем корректно. Это верно и неверно. Лягушка в эксперименте реагирует? Или собака Павлова при изучении условных рефлексов? Они являются субъектами? Эти исследо-

вания стали потом основой для Б. Скиннера, который выпустил бестселлер «По ту сторону свободы и достоинства», где доказывал весьма спорную мысль, что все человеческое поведение может быть сведено к модели «стимул – реакция». В этом представлении элиминируются психоэмоциональное, в палитре чувств, например, любви, и интеллектуальное, рассудочное и оценочное поведение субъекта. С точки зрения научного подхода в рамках экономической парадигмы, все люди являются объектами экономической действительности, то есть научность утверждается через представление о людях как объектах для опыта и продуктах социально-экономического контекста. В рамках такого подхода, модифицируя экономическую реальность, можно определять не только экономическое поведение человека. Что в действительности и происходило, в частности, в 1990-е годы в России, то есть конструировалась новая экономическая реальность, а через это и поведение объектов – населения страны. При этом те, кто это делал, основывались на определенных «научных» установках, однако они реализовывали и свои субъективные представления. Речь в данном случае не идет о так называемых личных интересах. Естественно, что при анализе экономических реформ важно понять и оценить роль субъекта-экспериментатора. Воздействует ли ученый на общество как на совокупность субъектов или же как на более или менее однородную массу объектов? В этом отношении восприятие и действие гуманитарной сферы гибче и мягче, чем полугуманитарных дисциплин, например, экономических наук или юриспруденции, которые стремятся к конструированию, а не объяснению социума.

Д. Социологи делают то же самое. Только часто в еще более чистом виде, когда результаты социологических исследований используются для манипулирования людьми. Или даже проводятся по заказу таким образом, чтобы получить заранее заданный результат. Ведь очень много зависит, например, от того, как задается вопрос, как потом интерпретируются полученные данные. Можно ведь взять часть и проигнорировать другие, и т.п. Или, например, то, что произошло с марксизмом: было предсказано, что должно появиться такое-то общество, – оно и появилось. Потом от него отказались, но уже через 70 лет. Построение коммунизма – это ведь реакция на научную теорию.

С. Да, здесь мы говорим об интенции субъекта воздействовать на объект. Но подлинный ученый ведь не должен стремиться изменить объект исследования. Он стремится получить информацию, проанализировать динамику развития, понять ее и поделиться знанием с научным сообществом и широкой публикой.

Д. Да, он стремится познать суть явлений, т.е. получить то знание об объекте, которое этому объекту максимально соответствует.

С. Но при этом степень желания изменить объект камуфлируется. Например, в юриспруденции под «всеобщее согласие», выражение гражданского мнения посредством палаты репрезентаторов-депутатов.

Гуманитарные же науки больше склонны к рефлексии, к размышлению. Но латентно и экономика, и социология, и юриспруденция – тоже гуманитарные науки, как и управленческие дисциплины. Разве они такие же науки, как естественные? В их случае мы напрямую имеем дело с ситуацией, когда субъект воздействует на объект,

про который утверждается, что он является субъектом. А маркетинг? Это наука? Ясно, что критерии фундаментальной науки, выработанные для естественных наук, здесь не проходят.

Д. Вообще-то вопросы, которые мы сейчас обсуждаем, относятся к философии науки. Но философия играет и самостоятельную роль, выступая для многих представительницей именно гуманитарного знания.

С. Конечно, но она играет еще и идеологическую роль. И в своем идеологическом выражении философия может вторгаться в другие науки, например, в экономику, начинает влиять на принятие решений. Разве так называемая рыночная экономика свободна от идеологии? Нет, конечно. Она стоит на определенных идеологических версиях. Здесь и Парето, и Милтон Фридман. Другие обращаются к Кейнсу. Третьи – к Марксу. Четвертые – к Гэлбрайту. Но так же не бывает в физике и химии.

Д. Я думаю, что мы не случайно начали с пограничных дисциплин, где есть проблемы.

С. Да, это сумеречная, «серая» зона. Они, конечно, на нас обидятся, что мы назвали их так, но такова ситуация.

Гомо сапиенс или гомо фабер?

Д. С историей, как и с другими классическими гуманитарными дисциплинами, вроде литературоведения или филологии, все ясно. Их традиционно отделяют от естественных, как «понимающие» науки от «объясняющих». Это понятно, потому что объект их, скажем, художественное произведение, принципиально отличается от объекта естественных наук. Но нам нужно вернуться к теме. Мы ушли в классификацион-

ные темы, а наша тема – образование. Есть установка на то, что образование должно давать некие знания. И в этом смысле понятно, что если преподаются естественные дисциплины, то дается определенное знание, физическое или химическое, объяснение физических и химических процессов. А когда мы говорим о знании той же литературы, это нечто иное. Как и знание истории. Здесь есть и знание, но оно очень сильно зависит от интерпретации. Почему мы и столкнулись, например, с проблемой учебников, когда одни и те же события истолковываются и интерпретируются совершенно по-разному. Это колоссальная проблема. И здесь очень легко пойти по такому пути: в одном случае, как с естественными науками, мы даем настоящее знание, а гуманитарные вещи нужны просто для украшения. Они не являются особо существенными.

С. Я сказал бы так: если подходить к образованию инструментально, как сейчас подходят, то нужно определить, что есть объект. Объектом является человек материальный. И целью образования тогда оказывается обучение его существованию в материальном мире, т.е. манипуляции с некими вещами. Тогда речь идет о преподавании дисциплин инженерного толка. То есть о подготовке ремесленника, инженера. А на более высоком уровне – это подготовка ученых, занятых изучением материального мира. В этом смысле цель – это адаптация людей к имеющейся действительности.

Гуманитарное образование, имеющее дело с текстами и образами, – это обращение к психо-эмоциональной сфере и уже через нее к разуму, т.е. обращение к человеку как к существу переживающему и осмысливающему, ставящему стратегические личностные цели. Поэтому гуманитарное об-

разование обращено к человеку не как к будущему ремесленнику или профессионалу, а как к человеку вообще.

Д. Я бы еще добавил здесь, ссылаясь на Аристотеля, что человека отличает от животных разум, который Аристотель определяет как способность различать добро и зло. В первую очередь гуманитарное образование направлено на понимание моральных оснований, норм человеческой жизни. В отличие от «гомо фабера» – человека умеющего, умелого.

С. И вопрос «Кто я есть?» не ставится перед нами ни физикой, ни математикой. А эта тема исключительно важна для молодого человека, так как он должен определиться с самим собой и с принципами соотношения с миром, с обществом. Эту информацию он получает только через гуманитарную сферу.

Д. С гуманитарными дисциплинами он получает даже не информацию как таковую, а приобретает способность рефлексировать над собой, понимать свое место в мире, в обществе. Это достигается, например, через литературу. Учащийся обнаруживает, что он может думать над своей жизнью. Пытается выйти на самореализацию. Но реализовать себя можно, только если понять, что ты сам есть.

С. Да, он выходит на это через литературу, через историю. Усваивает определенные модели, образцы, идеалы. То, что в английском называется «паттерны». Нужно ли девушке быть, как Наташа Ростова или как Катюша Маслова? Или что за люди Андрей Болконский или Печорин? Человек склонен себя постоянно сравнивать. Или он будет себя сравнивать с начальником, с господином, скажем, Панькиным, владельцем сети магазинов, или он будет сравнивать себя с тем же Андреем Болконским.

Это принципиально разные паттерны. Это совершенно разные социально-ролевые характеристики. Какой выбор совершат молодые люди исключительно важно для общества. Или появится больше Наташ Ростовых, или появятся какие-то полуженщины-полумужчины... Что вообще появится? Человеку дается шанс. Шанс выбрать себя.

Д. Как говорят экзистенциалисты – найти себя и сделать себя.

С. Да, это очень глубокая вещь – человеку дается выбор. Кто я такой – Гамлет или Дон Кихот или ... ?

Д. Или Павел Воля, или я – Павел Корчагин...

С. Человек может перебирать варианты по классическим произведениям. Советчиком для него выступает подбор этой литературы. Можно такие типажки подкинуть и такие паттерны, что – Упаси, Господи!

Д. Телевизор это честно и подкидывает. А литература – это не способ убить время, как с телесериалами. Здесь еще очень интересная вещь. Возьмем две ключевые гуманитарные дисциплины – историю и литературу. На определенном этапе, еще в досоветское время – и это продолжилось с господством «единственно верной» марксистской идеологии, – история стала строиться по образцам естественных наук, и из нее исчез один принципиальный момент, когда люди, действующие в истории, стали восприниматься не как живые люди, а как символы. Я могу привести один пример: когда я разговаривал с одним поляком, и он поразил меня своим замечанием, что один из рыцарей, который служил одному из польских королей, по-моему, Мешко Первому, так бы не поступил. То есть этот рыцарь был для него реальным образцом. Я себе плохо представляю, чтобы кто-то после наших учебников истории заметил, что

он бы не стал вести себя так, как князь Дмитрий Пожарский в этой ситуации.

С. Или как Пугачев.

Д. Да, они у нас воспринимаются просто как «были такие». Они прошли панорамой безликой, и все. У нас же не случайно исчезли все святые из истории. А ведь это люди, которые служат образцом поведения. Тот же Тихон Задонский, например. А кто его знает, чтобы ему подражать? Если кто-то и слышал, то на абстрактном очень уровне. И, больше того, у нас сейчас стараются подчеркнуть, что у этих людей тоже были всякие недостатки, совершенно не отдавая себе отчет, о ком они говорят. Да, были сложные отношения у Ньютона с его матерью, но при этом он был Ньютон, который сделал столько, что мог себе позволить еще и это. А у нас стараются все время их «опустить». Из Пушкина делают непонятно что.

С. Это еще и незнание и непонимание определенного социального контекста: отсутствует представление о цельности, об эпохе, идет интерпретация с современных идеологических позиций или субъективных представлений того же автора.

Умение писать, или «В начале были деньги»

Д. Итак, у нас история лишь частично выполняет свою функцию воспитания гордости за свою страну. Но это оставалось у литературы: там обсуждались живые люди, представленные величайшими мировыми писателями. А сейчас вся эта возня с гуманитарным образованием привела к тому, что литература оказалась необязательной, поскольку отменили обязательный ЕГЭ по литературе. Тем самым нанесли окончательный удар по гуманитарному

образованию. Пожалуйста: по Новосибирской области ЕГЭ по обществознанию сдавали больше 8 тысяч человек, а ЕГЭ по литературе – около восьмисот. О каком гуманитарном образовании мы можем дальше говорить?

С. Мы знаем, что в американских и европейских школах пишутся сочинения, эссе. Их нельзя хорошо писать, если этому не учиться. Я сталкиваюсь все время с тем, что аспиранты не могут писать эссе. Не знают, что это такое. Если не учить людей мыслить последовательно и экспрессивно, метафорично через лучшие образцы литературы и исторических трактатов, то как можно получить ясно мыслящих и четко формулирующих свои мысли выпускников? Существа, которые висят в Интернете и болтают на непонятном диком языке в чатах... Можно ли воспитать так гражданина, человека, в конце концов, известно, что «В начале было Слово». А сейчас что: клип, блин, СМС или зарплата?

Д. Гумилев писал: «А для низкой жизни были числа, / Как домашний подъяремный скот...» Нет, точно даже не цифра, потому что есть калькулятор. Получается, что сначала были деньги и в конце были деньги. И, кроме денег, больше ничего не было.

С. А ведь многие современные мыслители, такие как Фромм или Ортега-и-Гассет, считали, что наше время – это время коммуникации. Мы разучились общаться при помощи слова, диалога. Мы не можем себя выразить.

Д. Мы перестали писать письма.

С. Да, все на уровне СМС-ок – «Привет» – «Привет». Например, показателен обмен электронными письмами. Я специ-

ально пишу достаточно длинные письма, а в ответ, как правило, даже от весьма продвинутых профессоров с Запада получаю что-то вроде «Хай, Владимир! Еду из Бостона в Нью-Йорк». Ну и что? Полифония человеческого общения становится все более плоской и монотонной. По масштабности общение становится менее векторным. Опять мы возвращаемся к образу серой зоны. Бухучет, менеджмент и социальный сервис вытесняют в гуманитарной сфере литературу и историю. Нам оказывается просто не о чем говорить, нет тем для общения.

Д. Почему же? Всегда останется возможность поговорить о погоде и о деньгах.

С. Конечно. Но человеческое общение не сводится к информации. Оно может быть интеллектуальным и психоэмоциональным, чему литература и учит. Плохо это было или хорошо в советской школе, но это присутствовало. Да, оно было идеологизировано, но были тексты, и можно было эти тексты обсуждать. А сейчас что? Появляется косноязычное поколение, реагирующее только на биты информации. Гуманитарная сфера в век, который сам по себе экономизирован, технологичен, должна поддерживаться хотя бы через «искусственное дыхание». И окружающий мир становится все более скучным, хотя и насыщен драматическими событиями. Если мы хотим, чтобы палитра нашей жизни оставалась яркой, необходимо сохранить источники этой яркости – гуманитарные предметы в обучении и гуманитарные интересы во взрослой жизни. При этом преподаватели должны быть учителями – проводниками в таинственный и чарующий мир идей и образов.